

ДОГОВОРЫ РУСИ С ГРЕКАМИ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. В. Елифёрова

АНГЛОСАКСОНСКИЙ СЛЕД В ДОГОВОРАХ РУСИ С ВИЗАНТИЕЙ

Статья посвящена пересмотру некоторых прочтений имен русских послов в договорах с Византией от 911 и 945 г., в первую очередь «Актеву» и «Инегелдь». Приводятся лингвистические и исторические соображения в пользу того, что отдельные имена из этих перечней могут быть англосаксонскими.

Ключевые слова: Актеву; англосаксы; договоры Руси с Византией; ономастика

1. Загадочный «Актеву»: возможное объяснение

Некоторые имена послов от Руси, фигурирующие в греко-русских договорах из ПВЛ, традиционно считаются нечитаемыми. К их числу принадлежит имя *Актеву* из договора Олега 911 г. Его не смогли идентифицировать А. В. Циммерлинг (Циммерлинг 2012. С. 1) и Дж. Линд (Lind 2009. P. 28, note 3). Последний транслитерирует это имя латиницей как *Aktevu* и замечает, что это единственное имя в списке, скандинавское происхождение которого сомнительно. Большинство современных специалистов, рассматривающих текст договора, оставляет данное имя без комментариев.

В прошлом попытки его идентификации все же имели место среди зарубежных исследователей. Так, С. Х. Кросс в своем переводе «Повести временных лет» отождествил его со скандинавским именем *Ангантюр* (*Angantyr*) (Cross 1953. P. 65–66). Какой-либо филологический комментарий к проблеме имен послов в договорах у него отсутствует — он лишь глухо ссылается на то, что для восстановления «искаженных» имен пользовался написанной еще в XIX в. работой В. Томсена «Отношения между Древней Русью и Скандинавией и происхождение русского государства» (Ibid. P. 236, note 38). Однако обращение к изданию, о котором идет речь у Кросса, и к тем страницам, на которые он ссылается, показывает,

что на этих страницах список реконструированных имен послов неполон — в частности, упомянутый *Актеву* отсутствует (Thomsen 1877. P. 71–72). Реконструкция Актеву как Ангантюра есть только в приложении и дана как гипотетическая: ‘Aktevu (912)¹ = O.N. *Angantýr* (A.S. *Ongenþeów*)?’ (Ibid. P. K1). Томсен также не приводит никакой аргументации в пользу своего предположения.

Как нам представляется, идентификации имени *Актеву* до сих пор мешала презумпция, что его следует истолковывать из северогерманской ономастики и, даже более узко, из древнеисландской. Возможность западногерманской (англосаксонской) трактовки, бегло намеченная у Томсена, осталась не развитой и не замеченной последующими исследователями. Лишь в 2017 г. вышла работа С. Л. Николаева, который попытался сопоставить это имя с именем *Этеов* из «Беовульфа» (Николаев 2017. С. 26). К сожалению, недостаточно зная древнеанглийский материал и находясь в плену своей идеи «особого русско-варяжского диалекта», якобы отделившегося от известных северогерманских языков «не позднее VIII в.» (Там же. С. 15, примеч. 23; см. также С. 31), Николаев двинулся в ошибочном направлении — что привело его к недоуменным рассуждениям, откуда на русской почве взялось *Ак-* вместо ожидаемого *Ег-*.

Между тем при обращении к древнеанглийскому языку загадочное *Актеву* приобретает вполне опознаваемый вид — *Ácþeow*. В таком виде оно легко читается как типичное германское двусоставное имя. Оно не зафиксировано в единственном имеющемся на сегодняшний день словаре англосаксонских имен (Searle 1897), но оба его компонента по отдельности в ономастике англосаксов хорошо известны.

По крайней мере, насчет второго элемента Томсен и Николаев оказались интуитивно правы. Имя *Ongenþeow*, ошибочно записанное у Томсена как *Ongenþeów* (на самом деле в дифтонге здесь долгий первый гласный, а не второй), фигурирует в поэмах «Беовульф» и «Видсид» как имя легендарного шведского короля VI в. Идущая от XIX в. традиция отождествлять его с легендарным же Ангантюром поздних саг о древних временах сомнительна ввиду слабости сюжетных параллелей и опирается только на созвучие имени, которое недостаточно убедительно. Во всяком случае, скандинавский элемент *-týr* является отчетливо теофорным, связанным

¹ Томсен дает датировку договора 912 г., принятую в то время.

с именем бога Тюра (протогерм. **Tiwaz*, **Teiwaz*, где с самого начала было Т), в отличие от англосаксонского элемента *-þēow*, в исторически засвидетельствованную эпоху означавшего «заложник» или «раб»². Ч.М. Эска указывает на его древнесеверный и готский когнаты — *þú* и *þiwi* соответственно, оба в феминитивных вариантах (Eska 2011. P. 35). Смешение компонентов *-þēow* и *-týr* и попытки выводить первый из прагерманского **Tiwaz*, всё ещё встречающиеся в современных работах, таким образом, ошибочны.

Подробное обсуждение компонента *-þēow* и его бытования представлено в работе С. Юрасинского (Jurasiński 2007), где демонстрируется, что имена с компонентом, этимологически означающим «раб» или «заложник», нередки в ономастике германской знати. Исторические причины этого явления обсуждать здесь не будем, это увело бы нас далеко в сторону.

За исключением аномального имени королевы в «Беовульф» — *Wealhþēow* — во всех остальных известных случаях компонент *-þēow* представляет собой вторую часть мужских имён. Кроме *Ongenþēow*, засвидетельствованы также *Ecgþēow* (тоже в «Беовульф»), *Incganþēow* (в поэме «Видсид») и *Angelþēow* (Jurasiński 2007. P. 710, note 35). Последнее имя имеет отношение не к ангелам, а к англам. Ангельтеов — единственный персонаж, который фигурирует в документальном источнике («Англосаксонская хроника»). Он считается родоначальником королей Мерсии и, возможно, был реальным историческим лицом V в. (Searle 1897. P. 70)³. Таким образом, все носители имен с этим компонентом связаны с королевскими династиями вендельской эпохи.

Некоторую проблему составляет то, что все известные носители имени с компонентом *-þēow* — легендарные или полуполулегендарные, и исторические лица с такими именами, за исключением ненадежного случая Ангельтеова, вне поэтических текстов не засвидетельствованы. Однако это не значит, что их не было. В конце концов, обнаружили же в Древней Руси реальных Боянов, хотя когда-то это имя было известно только по «Слову о полку Игореве»⁴.

² Не следует также путать его с раннесреднеанглийским компонентом *-þeof*, заимствованным из скандинавского *þjófr* «вор», хотя, возможно, сами носители среднеанглийской традиции и смешивали их. Обсуждение этого компонента см. (Edmonds 2015).

³ Другие источники дают имя этого персонажа как *Angelgeot* и *Angengeat*, хотя они представлены более поздними списками.

⁴ «А передь тими послухы купи землю княгыни Бояню вью». Граффито XII века. (Высоцкий 1964. С. 113).

Во всяком случае, чрезвычайно интересно то, что носитель такого имени считался прародителем династии Мерсии. В 877 г. датские викинги, аннексировавшие восток Великобритании, произвели раздел Мерсии, в результате которого значительная ее часть отошла в область т.н. Денло — «датского закона», как именовались датские владения в Британии. В 911 г. — как раз в год заключения Олегова договора — скончался престарелый Этельред Мерсийский, который правил оставшейся частью королевства как вассал Уэссекса, и через семь лет Мерсия прекратила существование окончательно. У родственников королевского дома Мерсии было достаточно причин искать счастья за морем, влившись в среду знатных викингов. То, что наш «Актеву» оказался в числе участников важного дипломатического соглашения, безусловно говорит о нем как о статусном лице и отвечает тому, что известно о носителях имени с компонентом *-bēow* в поэзии и «Англосаксонской хронике»⁵. Не был ли он родичем мерсийских королей?

Переход на русской почве из *ēow* в *ewu* не является ни ошибкой, ни метатезой. Как бы ни было записано это имя в оригинале договора — греческими буквами или латиницей (к этому вопросу мы еще вернемся ниже), — в средневековой рукописи *ēow* могло иметь вид либо *éou*, либо *eoui*. Способ изображения *w* как *ui* был достаточно обычным в континентальной практике X в. и вообще в латинской передаче германских имен. Собственно древнеанглийская письменность предпочитала использовать руну *p* для обозначения *w*, однако диграф *ui* в этом качестве не был ей неизвестен (Hogg 1992. P. 76). Так или иначе, древнерусский переводчик увидел в тексте имя, которое для него звучало как *Актеу*, и в силу исторически характерной для русского языка нетерпимости к зиянию гласных вставил туда *в* — по той же модели, по какой получались *кивот* из *киот* и *Увар* из *Уар*.

Что касается первого компонента имени *Ак-*, он распознается просто и надежно. Это англосаксонская основа *āc* «дуб», которая хорошо засвидетельствована именно как начальный элемент двусоставных мужских англосаксонских имен: *Ācbeald*, *Ācbeorht*, *Ācfriþ*, *Ācwulf* (Searle 1897. P. 2). Итак, прочтение имени *Актеву* как *Ācþēow* не только удовлетворительно с лингвистической точки зрения, но и подкрепляется с самых разных сторон — сведени-

⁵ О функционировании династических имен у германцев и комбинировании основ в двусоставных именах см. напр.: Успенский 2001.

ями о бытовании его компонентов в англосаксонской ономастике (гендерная принадлежность, порядок расположения в имени), о графическом оформлении *w* в раннесредневековых рукописях, а также (косвенно) — о геополитической и династической истории англосаксов.

2. Англосаксы и грамотность

Актеов, возможно, был не единственным англосаксом в списке делегатов «от рода русского». Имя *Ингелдъ*, традиционно интерпретируемое как древнесеверное *Ingjald*, может быть англосаксонской формой того же имени — *Ingeld*, *Inegild* (Searle 1897. P. 315–316). Совершенно нет оснований усматривать в ней, как это делает С. Л. Николаев, следы неизвестного «русско-варяжского» диалекта (Николаев 2017. С. 30) — форма *In(e)geld*, если это не обычное фонетическое упрощение на русской почве (наподобие *Астафий* < *Евстафий*), надежно объясняется из древнеанглийского.

Само по себе северогерманское имя *Ingjald* вторично по отношению к англосаксонскому *In(e)geld*. Что интересно, это имя, в отличие от имени *Асфёов*, хорошо известно по источникам (Searle 1897), и оно, как и имена с компонентом *-feow*, принадлежит полубогородному королю вендельской эпохи, который относится, так сказать, к апокрифической части династии Инглингов (VII в.). В Скандинавии эпохи викингов оно встречается редко (из-за ассоциации с отрицательным персонажем, поскольку легендарный Ингельд-Ингьяльд был злодеем) и не входит в ономастикон королевских династий. Поскольку «Ингельд» в договоре идентифицируется стопроцентно надежно, это косвенно подтверждает реконструкцию *Актеву* как «Актеов»: в X в. действительно еще бытовали имена, уцелевшие от вендельской традиции и не засвидетельствованные мейнстримными родословными западноевропейских королей. Наиболее логично предположить, что на Руси оказались побочные родственники Инглингов (такой сложный вопрос, как историческая реальность династии Инглингов и причисление к ней разнообразных королевских домов, мы здесь не станем рассматривать — достаточно самоидентификации как англосаксонских, так и скандинавских королей в качестве их потомков). Это вполне ожидаемо: представители периферийных ответвлений рода, вытесненные из политической жизни в Англии или Скандинавии, должны были попытаться найти неосвоенную нишу.

Присутствие в свите Олега англосакса или англосаксов, вероятно принадлежавших к высшей знати, поднимает ряд любопытных вопросов. На первый из них ответить сравнительно легко — это вопрос о конфессиональной принадлежности Актеву-Актеова. Разумеется, в 911 г. англосакс высокого социального происхождения не мог быть язычником — он должен был быть крещен. Договор Игоря 945 г. прямо упоминает о смешанном конфессиональном составе «руси» — отдельно прописан протокол клятвы для язычников и для христиан. Олегов договор не говорит специально о наличии христиан среди его послов, но не упоминает и специфически языческих верований или ритуалов, кроме клятвы на оружии (вопреки летописной статье 907 г., указывающей, что русы клялись Перуном и Велесом по языческому обряду). Как нам представляется, ничто не мешает считать, что состав посольства Олега 911 г. также был смешанным и что в нем присутствовали и христиане. Вообще религиозная индифферентность германских воинов раннего Средневековья — тема сама по себе достаточно любопытная, хотя и неприятная для мифологов и религиоведов, которые хотят видеть в эпоху викингов бинарную картину конфликтующих идеологий. Эта тема затрагивалась, в частности, Е. А. Мельниковой (Melnikova 2011), у которой приводятся такие курьезы, как многократное крещение одного и того же скандинава. Присутствие в Олеговом посольстве англосакса, номинально христианина, но не особенно интересующегося вопросами веры, вполне вписывается в общую картину. Уверенное утверждение С. М. Каштанова, что «в 911 г. среди русских послов христиан не было» (Каштанов 1996. С. 52), в этом свете выглядит слишком поспешным.

Куда более важные последствия для наших представлений обо всем контексте заключения договора несет то, что представитель высшей англосаксонской знати начала X в., в особенности если он был выходцем из Денло, безусловно должен был быть знаком с письменностью — в том числе как инструментом правовых отношений. К 911 г. англосаксы имели за плечами уже внушительную традицию письменности не только на латыни, но и на родном языке. Расхожие представления связывают расцвет англосаксонской письменной культуры преимущественно с уэссекской традицией и королем Альфредом Великим, однако в Мерсии уже в VIII в. существовало развитое по тем временам письменное делопроизводство, в том числе на английском, и именно мерсийских ученых

Альфред Великий привлек для своего проекта по созданию англоязычной книжности (Тоон 1992. Р. 418).

Именно из Англии известен первый прецедент письменного договора со скандинавами — договор 886 г. короля Альфреда с датским конунгом Гутрумом. Отметим, что за пределами Руси таких договоров известно всего два, и оба английские. Франкские короли заключали договоры с викингами неоднократно, но нет никаких сведений, что сам договор при этом фиксировался в письменном виде (подробно см.: Мельникова 2012). Поскольку между заключением договора Гутрума и договора Олега прошло всего 25 лет, присоединившемуся к варягам англосаксу прецедент должен был быть хорошо известен хотя бы понаслышке.

Это разрешает недоумение как скандинавистов, так и русистов по поводу прагматики второго экземпляра договора: если хотя бы один из делегатов умел прочесть договор и подписаться, этого было вполне достаточно, и если грамотность восточного славянина или викинга для 911 г. крайне маловероятна, то грамотность англосакса для того же времени не вызывает удивления. И следовательно, смущающие историков обороты «имена наша» и «своею рукою» в договоре 911 г. действительно относятся к русским послам, нет нужды предполагать, что речь идет о византийской стороне (ср.: Каштанов 1996. С. 52–53). Единственный грамотный англосакс мог расписаться своей рукой за всех представителей посольства. Вместе с тем это возвращает нас к вопросу, который стоит в любом случае, но практически игнорируется современными исследователями: на каком языке и каким алфавитом были записаны экземпляры договоров, доставшиеся летописцам?

3. Проблема языка и письма договоров

Начиная с XIX в. (обзор старых работ см.: Истрин 1925) традиционно считается, что все три летописных договора русских князей с Византией были составлены на греческом и с него переведены на славянский, возможно, на южнославянский («древнеболгарский»); вопрос стоит лишь о времени перевода — непосредственно в момент заключения договора или уже в эпоху создания ПВЛ. Единственный за последние сто лет обобщающий лингвистический анализ договоров был проведен С.П. Обнорским в 1936 г., который признал славянскую версию договора 911 г. (в его работе — 912 г.) современной его заключению — по его мнению, перевод был выполнен «болгарином на болгарский

язык» (Обнорский 1936. С. 102–103). К данному выводу Обнорский подводит путем нехитрой операции — объявляя «болгаризмами» или признаками глубокой древности все церковнославянские элементы языка текстов, включая такие, которые свободно употреблялись в русской церковной книжности даже в XVII — XVIII вв. (неполногласие и использование аориста). Для того, чтобы объяснить наличие восточнославянских элементов в том же тексте, ему приходится соорудить двухступенчатую конструкцию с последующим русским редактором текста. Деликатный социологический вопрос, кем же мог быть этот носитель кирилло-мефодиевской грамотности, присутствовавший при заключении договора, и могла ли сторона «от рода русского» прочесть этот текст, им обходится.

Работа Обнорского появилась в 1936 г., в период становления официального советского патриотизма в историографии, установки которого требовали, с одной стороны, максимального удревления русской письменности, с другой стороны, затушевывания роли церкви в распространении грамотности. С тех пор его выводы практически не пересматривались и не комментировались. Так, чрезвычайно беспомощная глава «Договоры русских с греками» из учебного курса Б. А. Ларина (Ларин 2005 (1975). С. 27–63), претендующая на полемику с Обнорским, в действительности лишь усиливает его выводы: Ларин отрицает переводной характер договоров, настаивает на том, что тексты были записаны сразу на древнерусском, а не «болгарском», как утверждал Обнорский, и на наличии дохристианской русской письменности; из собственно лингвистической стороны им рассмотрена лишь лексика (наличие восточнославянизмов). Разумеется, в настоящее время декларации Ларина о существовании в дохристианской Руси развитой письменной литературы не могут рассматриваться всерьез: они были анахронизмом уже для 1975 г. и оказали мало влияния на последующие работы в этой области.

Одни современные исследователи (в основном нелингвисты) продолжают некритически повторять как мнение Обнорского о том, что славянские тексты договоров были созданы в момент их заключения, так и его аргументацию (Бибииков 2005. С. 5; Стефанович 2013. С. 22). Другие, признавая неправдоподобие «болгарского» и тем более восточнославянского писаря при Вещем Олеге, склонны возвращаться к точке зрения В. М. Истрина, предположившего, что переводы документов с греческого были

сделаны лишь в XI в. (Истрин 1925. С. 391–393; ср.: Малингу-ди 1997. С. 85–87). При этом остаются неясными вопросы, трудность которых признавал сам Истрин — где все это время хранились данные документы и как они попали на Русь. Наиболее обстоятельным обзором проблематики и историографии изучения русско-византийских договоров по сей день остается глава из книги С.М. Каштанова (Каштанов 1996. С. 4–57), который также уклонился от вопроса о происхождении славянских переводов и некритически повторяет выводы исследователей XIX — начала XX в. о большей «архаичности» славянского языка перевода 911 г. На практике, поскольку, как уже говорилось, отмеченные Обнорским «архаизмы» являются церковнославянизмами, объяснение стилистического различия договоров может сводиться к тому, что их попросту раздали разным переводчикам.

Следует отметить, что Истрин, в отличие от Обнорского, вообще не производил лингвистического анализа текстов (за исключением толкования отдельных слов), что же касается работы Обнорского, то она не только устарела — с 1936 г. мы узнали о древнерусском языке гораздо больше, чем было доступно ее автору, — но и поверхностна с методологической точки зрения. Обнорский рассмотрел только лексику и отчасти грамматику, вообще не касаясь фонетики и возможной системы передачи, например, личных имен в транскрипции с греческого на славянский и обратно. Кроме того, он не утруждал себя сопоставлением различных списков ПВЛ, в составе которых до нас дошли договоры, и не работал с реальным написанием текстов в рукописях.

В настоящее время этот аспект договоров исследован крайне плохо. Я. Малингуди попыталась реконструировать среднегреческий текст договоров, и ею сделаны некоторые ценные наблюдения по поводу калек с греческого в текстах, но тема транскрипции имен осталась незатронутой (Малингуди 1996. С. 86). Как это ни удивительно, со времен Обнорского договоры не становились предметом квалифицированного лингвистического разбора, кроме как со стороны немногочисленных германистов, и ни разу не были проанализированы специалистом, имеющим навыки в области переводоведения⁶.

⁶ Во времена Обнорского, разумеется, не существовало теории перевода как научной дисциплины — она сложилась к 1970-м гг. Однако неосведомленность современных исследователей, занимающихся проблемами переводных источников, о разработках в этой области удручает.

В свою очередь, германисты, обращавшиеся к данной теме, опускают проблему греческого посредства, рассуждая так, как если бы имена послов передавались непосредственно со скандинавского на славянский (Melnikova 2011a. С. 263–264; Циммерлинг 2012). Двадцать лет назад Е. А. Мельникова на основании особенностей орфографии пришла именно к такому выводу: «древнерусские формы скандинавских имен не несут ни малейших следов, указывающих на то, что в древнерусский текст они попали через греческое посредство» (Мельникова 1997. С. 84–85). Однако ее ссылка на мнение Б. А. Ларина, которому приписано предположение, что «имена участников заключения договоров дошли до летописца отдельно от грекоязычных текстов договоров» (Там же), неточна, так как Ларин вообще отрицал, что летописец имел дело с греческими текстами, и считал соответствующие экземпляры договоров сразу записанными на восточнославянском (о чем мы упоминали выше)⁷ — в то время как Мельникова признает факт перевода договоров с греческого (Там же).

Ф. Б. Успенский также полагает, что «скандинавские имена попали в текст договоров, минуя греческое посредство» (Успенский 2002. С. 132, примеч. 67). Как мы покажем ниже, наблюдения, сделанные германистами над орфографией скандинавских имен в договорах, справедливы: многие формы написания имен необъяснимы, если предполагать транслитерацию с греческого на кириллицу. Однако это порождает вопрос, **как вообще греческое посредство можно было «миновать» и откуда славянский переводчик взял германские формы имен.** На этот вопрос ответить мало кто пытался.

До сих пор не было проведено системного анализа фонетики и орфографии имен из договоров с учетом данных среднегреческого и древнерусского языков, а также разночтений в разных списках. Единственной попыткой в этом роде — и крайне неудачной — является упоминавшаяся выше статья С. Л. Николаева (Николаев 2017), которая содержит ряд интересных частных наблюдений, безнадежно скомпрометированных тем, что автор подгоняет их под свою концепцию (напомним, идея Николаева состоит в том,

⁷ Кроме того, в действительности Ларин практически не комментирует имена и их написания, а в тех случаях, когда это делает, совершает ряд грубых ошибок — так, имена *Гльбъ* и *Прастънь* / *Фрастънь* он идентифицировал как славянские, а *n* и *φ* считал взаимозаменяемыми в обе стороны, утверждая, что *φ* могла передавать славянский звук [р].

что варяги, составлявшие правящую элиту на Руси, были носителями особого «русско-варяжского» диалекта, отделившегося от других северогерманских языков еще в довикингскую эпоху).

Поскольку тема греческо-славянского фильтра при передаче скандинавских имен требует специального обширного исследования, коснемся лишь некоторых наиболее очевидных моментов. В среднегреческом языке присутствовали губные [v], [f] и [p], передававшиеся буквами β, φ и π соответственно, но отсутствовал [b]. Современный греческий для передачи [b] в заимствованных словах использует диграф μπ. Однако и в германских, и в славянских языках X в. присутствовали как [b], так и [v]. Вместе с тем распределение [p]/[f] в германских и славянских языках имело свою специфику: в древнесеверном и древнеанглийском сравнительно редким был [p] в исконных словах, тем более в ономастике, в древнерусском же (до оглушения согласных на конце слога) не встречался [f]. Следовательно, в германских именах, прошедших через двойную передачу — греческую и славянскую — должно наблюдаться смешение губных. Как обстоит дело с этим в договорах?

1. Договор 911 г. недостаточно показателен ввиду краткости списка имен. Единственный наблюдаемый случай смешения губных — на концах имен *Фарлофъ*, *Рулавъ* и *Фрелавъ*, реконструированных Е. А. Мельниковой как *Farláfr*, *Hróðláfr* и *Friðláfr*. Какой буквой передавали греки конечное скандинавское f, в эпоху викингов озвонченное (Стеблин-Каменский 1953. С. 122–123)? Написание *Фарлофъ* на фоне *Рулавъ* и *Фрелавъ* может интерпретироваться по-разному, в том числе как продукт поздней переписки, так как оглушение согласных на конце слога после падения редуцированных началось уже в XIII в. (Галинская 2009. С. 98–99; Горшкова, Хабургаев 1981. С. 75–76), и, следовательно, *Фарлофъ* могло стоять в общем протографе дошедших до нас списков ПВЛ.

2. В договоре 945 г. есть безусловные следы греческого — написания *сф* на месте этимологического скандинавского *sv* в *Сфандръ* и *Сфирка*⁸ (ср. передачу имени Святослава византийскими источниками в форме Σφενδοσθλάβος). Таким образом, мнение, что в написании имен полностью отсутствуют следы греческого, представляется неточным. Ср., однако, в том же тексте *св* в дважды повторенном имени *Свънь* (второй раз с гласным *е*).

⁸ Интерпретируются как *Svanheiðr* и *Sverrir/Sverkir*. См. напр.: Циммерлинг 2012.

3. Замена *п* и *ф* в *Прастенъ* / *Фрастенъ* принадлежит славянскому переводчику или переписчику и неинформативна для установления языка и письменности оригинала.

4. В остальных случаях разграничение губных проводится вполне последовательно и этимологически верно (если вынести за скобки имя *Анубкаръ* / *Пубксаръ*, которое пока не удалось убедительно опознать ни нам, ни нашим предшественникам, и которое может быть негерманским): например, *Турбернь* и *Бруны* при *Алвадь* и *Ангивладъ* / *Иггивладъ*, а также *Веремудъ* из договора 911 г.

5. Формы имен с *б* на месте ожидаемого скандинавского *f* (*Ульбъ*, *Адолбъ*) имеют надежные фонетические объяснения на германской почве.

6. Кроме того, германский межзубный спирант [ʁ] в начале имен последовательно передается через *т*, как в современном русском: *Турдуви*, *Турбернь*, *Турьбридь* и др. На самом деле этот способ передачи далеко не очевиден, так как греческий язык располагал и располагает межзубным спирантом, обозначаемым буквой *θ*. Приходится предположить либо странный каприз, по которому греки, имея подходящую букву для передачи германского [ʁ], использовали вместо нее *т*, либо необыкновенную осведомленность древнерусского переводчика в скандинавской ономастике и правилах ее фонетического пересчета на русский язык даже вопреки принятым в Древней Руси практикам транскрипции — поскольку греческая «тета» традиционно передавалась русской «фитой», графически почти идентичной, но читавшейся как [f].

В единственном случае, однако, наблюдается смешение межзубного спиранта с губным [f] — в имени *Фурьстенъ* из договора 945 г., поскольку это, безусловно, скандинавское имя *Þorsteinn*. Следует предполагать, что в греческом оригинале стояла «тета». Однако списки ПВЛ, по-видимому, все используют «ферт» (судя по дореволюционным изданиям; эти сведения еще нуждаются в уточнении по факсимильному изданию). С.Л. Николаев обратил внимание на этот факт, но не прокомментировал его должным образом.

7. Что касается прочих звуков, то разночтение Лаврентьевской и Ипатьевской летописей *Иггивладъ* / *Ангивладъ* может указывать на греческую запись имени с удвоенной *γ* для передачи назализации. Однако написание в Л может быть также продуктом гиперкоррекции, ведь древнерусским писцам были известны такие пары, как *Лонгин* / *Логгин*. В таком случае в протографе все же

стояло *Ингивладъ* (начальное *a* в Ипат. — тривиальная диссимиляция по образцу *Ирина > Арина*). Суждение Е. А. Мельниковой (Мельникова 1997. С. 89) о процессах деназализации в X в. на основании известных по другим источникам греческих написаний имени *Игорь* (Ἰγγωρ) нуждается в уточнении: славянские языки не располагали носовым [ŋ] и тем более назализированной формой [i̯], и у славян было только две опции — либо полностью избавиться от назальности, либо передать начальное *in* через [ĕ] носовое, обозначавшееся малым юсом *ǫ*; но в последнем случае это дало бы на русской почве **Ягорь*. Таким образом, написания имени Игоря в засвидетельствованных греческих источниках говорят лишь о том, что он представлялся грекам на скандинавском, а не на славянском, и не отражают процесса «славянизации» его имени в русской среде. Поздние же переписчики договоров ПВЛ безусловно писали его имя в той форме, которая была им известна и привычна: мы тоже пишем *Владимир* вместо *Володимир* и *Карл* вместо *Чарльз*, когда речь идет о монархах.

А. В. Циммерлинг в свете всех этих данных приходит к выводу, который трудно назвать иначе, чем анекдотическим:

«Следует предположить достаточно высокую степень владения древнескандинавским языком со стороны составителя ПВЛ. Он знал не только значительное количество древнескандинавских имен, но и понимал их морфологическую структуру...» (Циммерлинг 2012. С. 5).

Мы не можем последовать за А. В. Циммерлингом и постулировать свободное владение составителя ПВЛ (sic!) древнескандинавским языком. Нам это не кажется исторически и социологически правдоподобным — ни применительно к составителю ПВЛ, ни к переводчику договоров на славянский, которые должны были быть разными лицами. И даже если переводчик знал достаточно много скандинавских имен, он вряд ли восстановил бы, например, из **Αδóλβoσ* форму *Адолбъ*, а не *Адол(ь)вь*⁹. У древнерусского книжника не возникало и тени сомнения, что греческая *β* передается как *в*: даже Британию автор ПВЛ, цитируя переводной источник, называет «Вританисей».

На трудности, связанные с греческим посредством, указал также С. Л. Николаев, который независимо от нас сделал некоторые

⁹ Форма *Ульбъ* неинформативна, так как она могла быть известна древнерусскому книжнику — существовал новгородский посадник Улеб.

наблюдения, касающиеся греческой передачи скандинавских имен и последующей транслитерации на кириллицу (Николаев 2017). К сожалению, предложенное им объяснение еще более фантастично, чем у Циммерлинга:

Русско-византийские договоры X в., цитируемые в ПВЛ, являются переводами с греческого — очевидно, что и «варяжские» имена были написаны в них в греческой транскрипции. Средствами греческого письма невозможно было передать различие между [s] и [š], [ε] и [e] и т. д., поэтому кириллическая транслитерация греческой транскрипции северогерманских имен привела бы к значительному искажению последних. В отличие от греческого алфавита, кириллица гораздо точнее передавала «варяжскую» фонетику. Северогерманские (скандинавские) имена, перечисленные в договорах X в., по-видимому, были вписаны в летопись или надиктованы летописцу человеком, уверенно знавшим «варяжские» имена и смогшим восстановить их на основании несовершенной греческой транскрипции (Николаев 2017. С. 9, ср. так же: с. 48).

Двухступенчатая конструкция с таинственным скандинавоговорящим редактором ПВЛ, стоявшим за спиной у летописца и вычитывавшим написание варяжских имен, понадобилась Николаеву исключительно затем, чтобы оправдать его постулат, согласно которому летопись передает имена послов фонетически точно. Поскольку именно на этом постулате держится его теория особого «русско-варяжского» диалекта¹⁰. Однако даже если такой диалект существовал в действительности, ниоткуда не следует, что летописец мог, хотел или ставил задачу точно воспроизвести варяжские имена. Если же признать, что запись имен неточна, то вся теория «русско-варяжского» диалекта оказывается излишней.

Тем не менее Николаев безусловно прав, указывая на проблемы, связанные с двойной передачей имен — с германского через греческое посредство на кириллицу. В отличие от его мифиче-

¹⁰ Приведем характерный пример: «В “русско-варяжском” диалекте не было палатализации зубных согласных, о чем свидетельствует передача [i] после них кириллическим **ы**: **Бруны, Буды, Гуды, Карлы, Кары, Моны, Слуды, Туры**» (Николаев 2017. С. 27). Это рассуждение показывает недостаточное знакомство автора как с древнескандинавским, так и с древнерусским консонантизмом, к тому же игнорирует очевидное морфологическое объяснение — аналогию со славянскими словами *камы, ремы, лобы* и т.п.

ского «русско-варяжского» диалекта, эти проблемы вполне реальны.

Большинство этих проблем разрешимы, если предположить, что имена послов в экземплярах договоров 911 и 945 гг., доступных славянскому переводчику, были записаны латиницей. Единичные случаи орфографических гречизмов — *Сфандръ* и *Сфирка* (при двукратном *Свень*), *Фурьстенъ* вместо ожидаемого *Турьстенъ* — могут объясняться самыми разнообразными причинами, в том числе ошибками византийского переписчика при копировании, так как, безусловно, летописцу достался не оригинал договора с «автографом» посольства.

Мы признаем, что на данном этапе не можем разрешить проблему написаний имен *Шигобернь* / *Шихъбернь* и *Шибъридь* через *ш*. Соображения А. В. Циммерлинга о том, как произносилось скандинавское *s* в начальной позиции, тут вряд ли помогают, так как переводчик договора имел дело не с устным произношением имен. Единственная известная нам ономастическая параллель — фигурирующий в Киево-Печерском патерике варяг *Шимон*, но он жил в XI в., к тому же в тексте присутствует осознанное идеологическое противопоставление имен *Шимон* и *Симон* (о Симоне-Симоне см.: Михеев 2008). Поскольку *ʃ*-образные сибиллянты в X в. присутствовали во многих языках Европы, далеко не только германских, сложно судить, из каких соображений переводчик или редактор текста воспользовался графемой *ш*. Тем не менее, на наш взгляд, этот выбор косвенно свидетельствует против того, что имена были записаны по-гречески. Возможно, как раз латинское написание могло натолкнуть переводчика на «немецкую» — то есть для данной эпохи верхненемецкую — транслитерацию, если он был смутно знаком с немецкими именами на *si-* (вопрос о русско-немецких контактах XI в. достаточно обстоятельно был исследован в последнее время А. В. Назаренко).

Имя *Шибъридь* (в других списках без *ь* в середине; иногда в явно ошибочной форме *Шибринъ*) само по себе представляет загадку. Оно безусловно не скандинавское, а западногерманское. Мы не можем допустить интерпретацию его как англосаксонского имени *Sigebeorht* в стяженной форме *Sibriht*, известной документально (Searle 1987. P. 416) — озвончение [t] на славянской почве вызывает сомнения. Форму же *Sibrith*, которая может дать в славянском звонкое [d], это имя приобретет только в среднеанглийскую эпоху, не ранее того времени, когда жил сам автор ПВЛ (не говоря уже

о сомнительности передачи как древнеанглийского, так и среднеанглийского начального *s* в виде сибиланта). Если же перед нами древневерхненемецкая форма современного *Siegfried*, то следовало бы ожидать **Шифъридъ*. Впрочем, возможно, специалисты по континентальным западногерманским языкам нас поправят.

Так или иначе, этнический состав варягов оказывается более разнообразным, чем предполагается по умолчанию.

Подчеркнем, что мы не беремся установить, на каком языке были написаны сами договора. Наши выводы свидетельствуют только о том, что по крайней мере часть имен послов была записана латинским алфавитом. И как минимум один член делегации Олега мог собственноручно расписаться латиницей за нескольких других. Вероятно, такой человек был и в гигантском списке послов Игоря.

4. Кто такой «Егри Ерлисков»? Еще одно неопознанное имя

Соблазнительно предположить, что этим человеком был загадочный *Егри Ерлисковъ*, создавший столько проблем нашим предшественникам. Презумпция, что запись в ПВЛ должна передавать известные по сагам скандинавские имена и притом грамматически правильно, помешала, например, А. В. Циммерлингу опознать в *Ерлисковъ* прилагательное *eorlisc* «знатный» или «имеющий отношение к эрлу» с избыточным наращением русского притяжательного суффикса — возможно, в монофтонгизированной восточноанглийской форме *erlisc*, ожидаемой для выходца из Денло¹¹. Причины утраты коренного палатального произношения *sc* при прохождении через две системы письма могут быть разнообразными, и самая простая — контаминация с северогерманским *sk* или славянским *ск*. Имя *Егри* можно отождествить с довольно распространенным англосаксонским именем *Ecgric* — известно о его бытовании с VII по XI вв. (Searle 1897. P. 220). Относительно смысла определения *erlisc* возможны варианты, зависящие от правильности прочтения следующего имени в списке (*Воистовъ Иковъ* по Ипат. и *Воиковъ* по Лавр.). Возможно, это было прозвище посла — Родовитый, — ошибочно принятое переводчиком за прилагательное принадлежности, и тогда следует читать **Егри Ерлисковъ Воиковъ* (Эгрик Родовитый, посланный от Воика). Впрочем, такое прочтение допускает

¹¹ О восточноанглийской монофтонгизации дифтонгов см.: Тооп 1992. P. 431.

также интерпретацию «Эгрик графский Воиков», т.е. посланный от графа (эрла) по имени Воик или Войко. Последнее имя также может быть отождествлено с некоторыми частотными англосаксонскими именами — например, *Wulfwig* (Searle 1897. P. 521, в латинской передаче с конечным *c*), либо же перед нами обрусевшая гипокористическая форма англосаксонского имени на *weoh-* со славянским суффиксом (благодаря смешению со славянским корнем *voj-*), давшая *Войко*. В принципе, известно и односоставное англосаксонское имя *Weohha* / *Weocca*. Феномен реинтерпретации германских имен как негерманских известен достаточно хорошо и применительно к более позднему времени получил основательное освещение в работах Ф.Б. Успенского.

Односоставность имени столь статусной персоны, как эрл, не должна удивлять. У англосаксов даже в королевских династиях односоставные имена были не редкостью в VI–VIII вв. и продолжали встречаться позже, а среди лиц рангом ниже королевского сохранялись и в X в. Кроме того, носители двусоставных имен могли именоваться гипокористически в кругу приближенных: так, благодаря Беде Достопочтенному мы знаем, что дети короля Саберта называли своего отца Сабой (Беда 2001. С. 54).

Чтение Ипат. *Воистовъ Иковъ* в любом случае ошибочно, так как первое слово несомненно является притяжательной формой и нарушает общий протокол именованя делегатов: сначала собственное имя лица, потом имя того, кого данное лицо представляет, в притяжательной форме. Тем более сомнительным выглядит имя *Икъ* или *Иковъ*. Мы не беремся судить, первично ли чтение *Воистовъ* или *Воиковъ* и правил ли редактор протографа Ипатьевской летописи свой текст по рукописи, близкой к Лаврентьевской. Текстология ПВЛ — слишком сложный и спорный вопрос, насчитывающий уже целое столетие дискуссий. Укажем лишь, что имя *Воистъ* также может быть переосмыслено из частотного англосаксонского имени *Weohstan*. Фонетическое объяснение здесь достаточно простое: англосаксонское *an* должно было реализоваться в древнерусском языке IX в. как [ǫ] носовое, которое в конечной позиции закономерно оказалось неустойчивым и утратило назальность, а затем редуцировалось до ъ (напомним, что на рубеже IX–X вв. русский ъ еще был полноценным гласным).

Отдельно отметим присутствие еще одного Ингельда в договоре 945 г. Вряд ли он идентичен тому Ингельду, который участвовал в подписании договора 911 г., хотя, конечно, для той эпохи

теоретически не исключена вероятность участия в дипломатической миссии юноши лет 17–18, который потом еще сохранит активность в возрасте около 50. Более вероятный вариант — что речь идет о дяде и племяннике, у которых совпадали личные имена.

Заключение. «Невидимые» англосаксы в истории Руси

Итак, высказанное на ономастической основе предположение, что в свите Олега и Игоря присутствовали англосаксы из Денло, позволяет разрешить целый ряд трудностей, касающихся передачи германских имен в договорах 911 и 945 г., и в первую очередь сравнительно правильной их транслитерации на кириллицу, вопреки несовместимости греческого алфавита с германской фонетикой. Давно знакомые с письменностью англосаксы могли расписаться латиницей за всех или большинство присутствующих, что снимает проблему греческого посредства. Отпадает также нужда в предположении, что автор «Повести временных лет» хорошо владел древнескандинавским языком или располагал квалифицированным скандинавоязычным редактором, который специально выправлял имена в рукописи. Единственную трудность нашей гипотезы составляет незасвидетельствованность имени **Āscrēow* в англосаксонском быту и экзотичность его второго компонента, известного только по легендарным именам древности. Вместе с тем другие англосаксонские имена *Ingeld* и *Ecgric* (а также возможное *Weohstan*), идентифицированные нами в списках, засвидетельствованы хорошо и в описываемую эпоху бытовали.

На данный момент мы выносим за скобки договор Святослава 971 г., который устроен совершенно иначе, чем договоры 911 и 945 гг.: он лапидарен (содержит по сути только клятвенное обещание мира), и в нем нет имен, кроме самого Святослава и Свенельда, его ближайшего советника. Возможно, более детальный, выполненный на современном научном уровне разбор языка и ономастики договоров поможет уточнить не только состав делегации «от рода русского», но также природу элиты и властных отношений на Руси до Владимира, и добавить нечто новое к устоявшимся представлениям о них.

Тема присутствия англосаксов в ранней истории Руси может показаться спорной и отчасти болезненной, поскольку она, во-первых, непривычна, во-вторых, скомпрометирована фолк-историческими построениями лингвиста В.М. Стецюка, наполняющего свой сайт рассуждениями о ведущей роли англосаксов

в основании древнерусской государственности (<https://www.v-stetsyuk.name/ru/Alterling/Germanic/ASRU.html>). И все-таки она заслуживает более пристального внимания, чем ей уделялось до сих пор. Одна из первых попыток собрать воедино сведения о связях между англосаксами и Древней Русью была недавно предпринята в работе М. Р. Гаврилишина (Гаврилишин 2015), и таких данных — в первую очередь нумизматических — оказывается достаточно много, чтобы не отмахиваться от них просто так. Укажем, что Гаврилишин приводит далеко не все археологические данные — им, например, не упомянута находка англосаксонского наконечника ремня IX в. на Рюриковом городище, сделанная еще в 1999 г. (Михайлов 2003). Подобные наконечники обычно не служили предметом торговли, и потому эта находка, скорее всего, попала на Русь вместе со своим хозяином; безусловно важными представляются замечания К. А. Михайлова о зоне взаимного англо-скандинавского влияния в эту эпоху. Напомним и о более поздней эпохе, когда Владимир Мономах был женат на англосаксонской принцессе Гите Уэссекской, дочери короля Гарольда, павшего в битве при Гастингсе 1066 г. Принцесса так или иначе должна была прибыть на Русь со свитой — слугами, воинами, духовенством. Как все эти люди натурализовались на Руси, как они взаимодействовали с местными элитами, как влияли на культуру? Англосаксы в истории Древней Руси все еще остаются в значительной мере «невидимыми» — отчасти потому, что летописцы последующих веков мало отличали «англичан» от прочих разновидностей варягов, отчасти в силу того, что скандинавы гораздо более популярны в российской историографии. Возможно, завесу «невидимости» отчасти приподнимут будущие исследования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англов / Пер. с лат. В. В. Эрлихмана. СПб., 2001.
- Бибиков М. В.* Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2005. № 1. С. 5–15.
- Высоцкий С. А.* Надпись о Бояновой земле в Софии киевской // *История СССР.* 1964. № 3. С. 113.
- Гаврилишин М. Р.* Древняя Русь и Англия в IX–X веках: от торговых контактов до политических отношений // *Вестник Удмуртского университета: История и филология.* 2015. Т. 25. Вып. 4. С. 146–151.

- Галинская Е. А.* Историческая фонетика русского языка. 2-е изд. М., 2009.
- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Истрин В. М.* Договоры русских с греками X века // ИОРЯС. 1924 г. Л., 1925. Т. XXIX. С. 383–393.
- Каишанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996.
- Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка. 2-е изд. СПб., 2005.
- Малингуди Я.* Русско-византийские связи с точки зрения дипломатики // ВВ М., 1996. Т. 56 (81). С. 68–91.
- Малингуди Я.* Русско-византийские договоры X в. в свете дипломатики // ВВ М., 1997. Т. 57 (82). С. 58–87.
- Мельникова Е. А.* Источниковедческий аспект изучения скандинавских личных имен в древнерусских летописных текстах // У источника: сб. статей в честь чл.-корр. РАН С. М. Каштанова. М., 1997. Вып. 1. Ч. 1. С. 82–92.
- Мельникова Е. А.* Заложники и клятвы: процедура заключения договоров с норманнами // Именослов. История языка. История культуры. М., 2012. С. 113–182.
- Михайлов К. А.* Находка англосаксонского наконечника ремня на Рюриковом городище // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 17. Великий Новгород, 2003. С. 154–159.
- Михеев С. М.* Варяжские князья Якун, Африкан и Шимон: Литературные сюжеты, трансформация имен и исторический контекст // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2. С. 27–32.
- Николаев С. Л.* К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет» // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 7–54.
- Обнорский С. П.* Язык договоров русских с греками // Язык и мышление. Т. 6–7. Ин-т языка и мышления Н. Я. Марра АН СССР, 1936. С. 79–103.
- Стеблин-Каменский М. И.* История скандинавских языков. М.; Л., 1953.
- Стефанович П. С.* Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в. // Труды Ин-та российской истории РАН. 2013. № 11. С. 19–57.
- Успенский Ф. Б.* Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.
- Успенский Ф. Б.* Варяжское имя в русском обиходе: к этимологии слова «олух» // Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь.: Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 111–138.
- Циммерлинг А. В.* Имена варяжских послов в «Повести временных лет»: Материалы к докладу на V круглом столе «Древняя Русь и германский мир в филологической и исторической перспективе» 13–14 июня 2012 года //

URL: https://antonzimmerling.files.wordpress.com/2012/07/varangian_guests.pdf (дата обращения 06.02.2020)

- Cross S.H. The Russian Primary Chronicle: Laurentian Text. Mediaeval Academy of America, 1953.
- Edmonds F. Norse Influence in North-West England: Jocelin of Furness's Interpretation of the Name WALTHEOF // Journal of Scottish Name Studies. 2015. Vol. 9. P. 43–62.
- Eska C.M. Women and Slavery in the Early Irish Laws // Studia Celtica Fennica. 2011. Vol. 8. P. 29–39.
- Hogg R.M. Phonology and Morphology // The Cambridge History of English Language. Cambridge, 1992. Vol. 1: The Beginnings to 1066 / Ed. by Richard Hogg. P. 67–167.
- Jurasinski S. The Feminine Name *Wealththeow* and the Problem of *Beowulfian* Anthroponymy // Neophilologus. 2007. Vol. 91. P. 701–715.
- Lind J. The Importance of Varangian Traditions for East-West Collaboration and Confrontation in the 12th–13th centuries // Expansion — Integration? Danish-Baltic contacts 1147–1410 AD / Ed. by B.F. Jensen & D. Wille-Jørgensen, Vordingborg, 2009. P. 27–37.
- Melnikova E. How Christian Were Viking Christians? // Early Christianity on the Way from the Varangian in the Greek. Kiev, 2011. P. 90–107. (= Ruthenica. Supplementum 4).
- Melnikova E. The Cultural Assimilation of the Varangians in Eastern Europe from the Point of View of Language and Literacy // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М., 2011. С. 257–268.
- Searle W.G. Onomasticon Anglo-Saxonicum; a List of Anglo-Saxon Proper Names from the Time of Beda to that of King John. Cambridge, 1897.
- Thomsen W. The Relations between Ancient Russia and Scandinavia and the Origins of the Russian State. Oxford, 1877.
- Toon T.E. Old English Dialects // The Cambridge History of English Language. Cambridge, 1992. Vol. 1: The Beginnings to 1066 / Ed. by Richard Hogg. P. 409–450.

Maria V. Eliferova

AN ANGLO-SAXON TRAIL IN RUSSIAN-BYZANTINE TREATIES?

Some non-Slavonic names in the Russian-Byzantine treaties of 911 and 945 have been claimed to be unidentifiable, and one of the most notorious is the name *Aktevu*. However, virtually all researchers who ever attempted to interpret it overlooked the possibility that it might have been Anglo-Saxon. If read from an Old English perspective, it is likely a regular Anglo-Saxon compound name *Actheow*. While this name is not directly attested in Old English sources, both

of its components are well attested in Anglo-Saxon personal names. Moreover, further reconsideration of the name lists in the treaties raises the question whether some other names (up to three more) can be Anglo-Saxon too. The most obvious case is *Ingeld* which can be, rather than the distorted ON *Ingjald*, the regular OE form of this name.

Before 2017, detailed linguistic analysis of the name lists in the treaties had been scarce. The year 2017 saw a paper by Sergei L. Nikolayev who undertook this task. Unfortunately, due to the multiple flaws in methodology, he jumped to a conclusion that the Germanic names in the treaties represent some long-lost North Germanic dialect or even a distinct language which somehow has remained unidentified by generations of linguists. A closer look at Nikolayev's arguments can reveal his flaws: all of the supposed discrepancies between the known ON names and the names from the Russian-Byzantine treaties can be explained either by inaccuracies of transliteration or by the possibility that some of the names in the treaties are actually West Germanic, belonging to known languages (such as OE). There is no reason to infer the existence of an unknown North Germanic language or dialect.

However, some points made by Nikolayev remain valid, and one of them is the question of writing system in which the names were originally recorded. The self-evident idea that it was Greek alphabet faces at least some difficulties, such as the distinction between labials and labiodentals. The distribution of labials / labiodentals in the name lists corresponds more to their actual Germanic pronunciation than to the conventions of Greek writing which by the 10th century had no means to represent the distinction between [b] and [v]. Yet the solution offered by Nikolayev (and by some earlier scholars) — that the chronicle text was edited by somebody who had good knowledge of Scandinavian languages and was able to correct the transliteration in the Slavonic version — seems implausible.

The idea that there had been at least one Anglo-Saxon member in each embassy opens many new possibilities. The most haunting issue related to the treaties is one of literacy, since by the mid-10th century presumably neither Scandinavians nor East Slavs mastered writing on regular basis. On the contrary, Anglo-Saxons by that time were quite used to writing, not only in Latin but in vernacular as well. A high-status Anglo-Saxon from Danelaw would make a perfect secretary for any Viking chieftain planning to make policy with men of letters, such as Greeks. This clarifies the puzzling phrase in the source which seems to state that the Russian ambassadors actually signed the 911 treaty 'by our own hand'. A single Anglo-Saxon able to put a collective signature in Latin script is the solution which renders unnecessary any conjectures about erroneous readings.

Keywords: Anglo-Saxons; literacy; Old English; personal names; Russian-Byzantine treaties

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-51-72